

0-753975

На правах рукописи

Завалишина Кристина Геннадьевна

**КОНЦЕПТОСФЕРА «ЧЕЛОВЕК ТЕЛЕСНЫЙ»
В ЯЗЫКЕ РУССКОГО, НЕМЕЦКОГО И АНГЛИЙСКОГО
ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА**

Специальности: 10.02.01 – русский язык
10.02.19 – теория языка

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Курск – 2005

Работа выполнена на кафедре русского языка
Курского государственного университета

- Научный руководитель – заслуженный деятель науки РФ,
доктор филологических наук,
профессор
Хроленко Александр Тимофеевич
- Официальные оппоненты – доктор филологических наук, профессор
Кошарная Светлана Алексеевна
- кандидат филологических наук, доцент
Тимко Наталья Валерьевна
- Ведущая организация – Воронежский государственный педагогический университет

Защита состоится «20» октября 2005 г. в 10 часов на заседании регионально-го диссертационного совета КМ 212.104.03 при Курском государственном университете по адресу: 305000, Курск, ул. Радищева, 33.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
Курского государственного университета.

Автореферат разослан «15» сентября 2005 г.

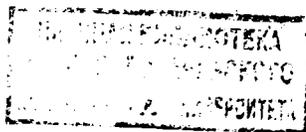
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000203847

Ученый секретарь регионального
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

И. С. Климас

«Цветущая сложность» культур в условиях современной жизни сопрягается с цивилизационным процессом глобализации экономической жизни, сопровождаемой унификацией, стандартизацией культуры, её «вестернизацией». Культуры вынуждены активно сталкиваться, пересекаться, контактировать и конфликтовать. Возникает проблема сохранения этнической идентичности и культурной самодостаточности, поэтому в реальной жизни и в гуманитарных науках становится актуальной кросскультурная проблематика. Это относится к наукам о языке и народной культуре – к феноменам коллективистским и анонимным, способным дать важные свидетельства о человеке, этносе и культуре.

Несколько десятилетий назад на пересечении наук о языке и фольклоре сложилась лингвофольклористика, в недрах которой в наши дни формируется новое направление – кросскультурная лингвофольклористика, которая предполагает сравнение языка фольклора двух и более этносов с целью выявить культурные смыслы, аккумулированные в языковых единицах и структурах. Мы понимаем кросскультурный анализ как инструмент выявления культурных предпочтений этноса и через них специфических черт ментальности путём сопоставления традиционных культур, осуществляемого на уровне вербализованных концептов и концептосфер.

Среди концептосфер повышенный интерес вызывает концептосфера «человек телесный», что согласуется с господствующей идеей антропоцентризма. Отношение к телу является одной из важнейших ценностных ориентаций любой культуры. «Тело – не простая физическая, природная данность, а сложный социальный конструкт» (И. Кон). Человек как единство телесного, психического и духовного – благодатный объект кросскультурных исследований.

Концептосфера «человек телесный» не обойдена вниманием лингвистов, исследующих языковую концептуализацию человеческого тела в целом, его частей, органов и действий, совершаемых ими или над ними. В работах языковедов исследуются семантика и функция соматизмов, которые привлекательны тем, что частотны и являются компонентами значительной части устойчивых сочетаний слов и фразологизмов, а само изучение соматизмов связано с рядом интересных лингвистических проблем (Ю.Д. Апресян, Е.В. Урысон, Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелёв, Г.Е. Крейдлин, А. Летучий, Л. Йорданская, А.В. Попова, О.М. Воеводская и др.).

Поскольку в фольклорных текстах соматизмы используются широко, лингвофольклористы пройти мимо них не могли. В работах С.Е. Никитиной, О.А. Петренко, О.А. Карамышевой, И.С. Климас и Р.И. Климаса и др. отдельные соматизмы описаны. Сложилась предпосылка системного кросскультурного исследования соматической лексики в традиционной культуре.

Учитывая место и роль «телесной парадигмы культуры» в современном мире, отмечая недостаточную изученность семантики и функции соматизмов в фольклорных текстах, а также принимая во внимание эвристические возможности кросскультурной лингвофольклористики, объектом своего исследования мы избираем народно-песенные тексты русского, немецкого и английского этносов, а предметом – концептосферу «человек телесный», представленную сома-

тизмами. Выбор соматической лексики в качестве предмета исследования обусловлен значимостью кластера «человек» в фольклорной картине мира, высокой степенью частотности соматизмов, своеобразием функционально-семантических свойств лексем, номинирующих человеческое тело, недостаточной изученностью «телесного кода» в культурных традициях, необходимостью выявления ментальных установок, мировидения этноса для выявления национального и всеобщего в культурной архетипике.

Актуальность работы предопределена неразработанностью многих вопросов антропологической лингвистики, связанных с человеческим фактором в языке; необходимостью более детального кросскультурного изучения русского, немецкого и английского песенного фольклора; перспективностью изучения этнического в языке фольклора, выявления специфики и механизмов отображения концептов в языковой картине мира в русском, немецком, английском народно-песенном творчестве; стремлением совершенствовать методику лексикографического описания народно-поэтической лексики; возможностью совершенствовать методологию кросскультурной лингвофольклористики.

Научная новизна предлагаемого диссертационного исследования видится в изучении этнического менталитета русских, немцев и англичан лингвофольклористическими методами; в постижении культурного самосознания через языковые единицы и способы отображения концептов культуры; в своеобразии исследовательского подхода – системного сопоставления фрагмента фольклорной картины мира, репрезентированной кластером «человек телесный» на уровне концептов, вербализующих их лексем и синтагматических связей между лексемами; в использовании новых методик лексикографического характера.

Цель работы – выявить и описать этническое своеобразие лексики, представляющей тело человека в русском, немецком и английском устно-поэтическом творчестве. Данная цель определила следующие конкретные задачи:

- выявить лексические средства экспликации кластера «человек телесный» в русских, немецких и английских песенных текстах;
- лексикографически описать каждую выявленную лексему в форме словарной статьи;
- методом аппликации русских, немецких и английских словарных статей, описывающих лексемы, которые вербализуют один и тот же концепт, выявить этническое своеобразие семантической структуры лексем и их внутритекстовых связей;
- выявить закономерности, лежащие в основе этнолингвистических различий в языке фольклора трех сравниваемых этносов.

Базой эмпирического материала послужила соматическая лексика, выявленная методом сплошной выборки из следующих авторитетных фольклорных собраний: Великорусские народные песни, изданные проф. А.И. Соболевским. – Т.2–6. – СПб., 1895–1897; Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия. Выпуск II, часть I. – М., 1917; Deutsche Lieder. Texte und Melodien. Ausgewählt und Eingeleitet von Ernst Klusen. – Leipzig, 1995; Sharp's Collection of English Folk Songs. Vol. I, II. – London, 1974.

Для решения поставленных в работе задач использовались следующие методы исследования: описательный и кросскультурный методы, методика кластерного анализа, методика сжатия конкорданса, методика аппликации лексикографических «портретов» слова, предложенная курскими лингвофольклористами.

Словарные статьи, описывающие русские соматизмы, приводятся непосредственно в тексте сочинения, а статьи немецких и английских соматизмов представлены в приложении.

Используются элементы контрастивной лексикографии, разрабатываемой курскими лингвистами (М.А. Бобунова, А.Т. Хроленко).

Теоретическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов для совершенствования методологии концептуальных и кросскультурных исследований, для дальнейшего изучения фольклорно-языковой картины мира и семантики фольклорного слова. Материалы диссертации и выводы вводят в обиход научную информацию, которая может быть интересна теоретикам языка, лексикологам, лексикографам, культурологам, лингвофольклористам и другим специалистам, работающим над теоретическими проблемами антропологической лингвистики.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его материалов в вузовских лекционных и практических курсах по русскому, английскому и немецкому языкам, по общему языкознанию, по культурологии, в спецкурсах и спецсеминарах по лингвострановедению, в дипломных и курсовых работах по языку русского, немецкого и английского фольклора.

Достоверность полученных результатов и обоснованность выводов достигается совокупностью следующих факторов: изучением теории вопроса на базе новейших публикаций; использованием комплекса современных методов, методик и приемов, включая и новейшие методики лексикографической презентации лексики и аппликации словарных статей; привлечением большого объема эмпирического материала, извлеченного методом сплошной выборки из авторитетных собраний русского, немецкого и английского фольклора, постоянной проверкой получаемых выводов на материале фольклора других жанров; многоаспектностью анализа фольклорного материала.

Апробация. Основные положения диссертационного исследования излагались в докладах и обсуждались на заседаниях семинара по лингвофольклористике при кафедре русского языка КГУ, представлены в материалах международной научно-практической конференции студентов и молодых преподавателей «Проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации» (Белгород, 2001), Всероссийской научной конференции «Национальные картины мира: язык, литература, культура, образование» (Курск, 2003), международной конференции «Актуальные проблемы современного иноязычного образования» (26-29 апреля 2005 г., Курск). Соискатель участвовал в реализации двух проектов в рамках научной программы «Университеты России» – «Кросскультурная лингвофольклористика» (2004) и «Технология кросскультурных исследований» (2005) в качестве соавтора двух коллективных публикаций. Содержание работы

отражено в десяти статьях.

Структура работы определяется целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и приложений. Текст диссертационного сочинения изложен на 175 страницах рукописи.

Основное содержание работы

Во **введении** обосновывается актуальность избранной темы, определяются объект, предмет, цель и задачи работы, характеризуются база фактического материала и методология исследования, оцениваются научная новизна, практическая и теоретическая значимость диссертации, дается определение основных понятий, которые используются в работе, излагается степень разработанности исследуемой проблемы.

В **главе 1** «Кросскультурный анализ лексики, представляющей словесный портрет человека» рассматриваются концепты «лицо», «лоб», «глаза», «брови», «щека», «ух», «нос», «рот», «губы», «зубы», «язык», «шея», «волосы», «кудри», «коса», «борода и усы».

Концепт «лицо» активно вербализуется в текстах русского, немецкого и английского песенного фольклора, причём удельный вес русской лексемы *лицо* в три раза выше, чем немецких лексем *Gesicht* и *Angesicht*, и в четыре раза выше, чем английского существительного *face*. Единственное определение к существительному *лицо* – постоянный эпитет *белое* (26 с/у из 61 возможного). Помимо эпитетосочетания *белое лицо* фиксируются и другие синтаксические конструкции типа *лицо* <быть> *бело* или *лицо* <быть> (*ровно*) *белый снег* (*снежок*). В них *лицо* <быть> *не белее* или *не белее лицом* белый цвет предстаёт как явление градуальное, а следовательно, подвижное. Белое – основание для сравнения, своеобразный эталон красоты. Динамизм цветовой характеристики предопределяет наличие финитных глаголов с «цветовым» корнем (*белиться*, *румяниться*, *черниться*). Лицо предстаёт как экран эмоционального переживания с характерными симптомами любовного чувства: Видно печаль и по ясным очам, *Видно кручинушку и по белому лицу* (Соб-3, № 10). Знаком любовной страсти выступает «жар». С существительным *жар* ассоциируются глаголы *разгораться* / *разгореться*, *пылать* [кровь] в лице, *разгорать* лицо. Симптомом любовного «жара» в русской народной лирике является румянец. «Жару» и его симптому – румянцу – противопоставит «остуда» физическая или эмоциональная. Следствие «остуды» – утрата красоты и её атрибутов – белил и румян. *Белилочки* и *румянчики* – это не только косметические краски, но и естественный цвет лица, теряемый горющей героиней песни. В текстах русских народных песен *лицо* входит в несколько ассоциативных рядов, среди которых наиболее устойчив ряд *лицо ... сердце*. Лицо выступает физической, видимой глазом ипостасью сердца.

В немецких и английских фольклорных текстах лексемы, вербализующие концепт «лицо», прилагательными определяются весьма редко. В немецких текстах это оценочные определения *lieb* 'милый', *schön* 'прекрасный', *rauh* 'грубый'. В английских песенных текстах все случаи – пример внешней оценки

физических достоинств лица: *blooming* 'цветущее', *ugly* 'безобразное', *pretty* 'хорошенькое, прекрасное'.

В рассматриваемом корпусе русских народных песен слово *лоб* фиксируется очень редко, а *чело* не отмечено вовсе. В немецких и английских песенных текстах *Stirn* 'лоб' и *brow* 'чело' представлены единично. Одна из возможных причин столь редкого внимания к этой детали головы и лица со стороны носителей фольклора – особенности концептуализации, ведь слово *лоб* первоначально обладало значениями 'череп' и 'голова'.

Концепт «глаза» в русской народной культуре вербализуется лексемами *очи* и *глаза*. Существительное *глаза* в лирических текстах используется в два раза чаще, чем его синоним *очи* (41 против 19). Сравнивая определения к лексемам *Auge* и *eye* с эпитетами к обоим русским синонимам *глаз* и *око*, можно увидеть, что орган зрения в лирике русских характеризуется как *ясные (очи)* – световая характеристика, цвет передаётся специальным сложным наименованием *черноглазый*. Цветовая характеристика *глаз* в немецком фольклоре гораздо шире. Это *blau* 'голубой', *blau und klar* 'голубой и ясный', *braun* 'карий', *rot* 'красный', *schwarz* 'чёрный', *schwarzbraun* 'тёмно-карий'. Цветовой диапазон характеристик *глаз* в английских фольклорных текстах уже: *black* 'чёрный', *brown* 'карий', *coal-black* 'чёрный, как уголь', *dark* 'тёмный', *sloebblack* 'чёрный, как тёрн'. Выступая индикатором внутреннего состояния героя, *глаза* могут *lachen* 'смеяться', можно *Augen mit Scherz erfüllen* 'наполнять *глаза* шуткой'; *Hunger ist in die Augen gesetzt* 'в *глазах* затаился голод'. В английских текстах наличествует выражение *to take charge of eyes* 'понять выражение *глаз*'. В английской народной лирике *глаза* могут *to delight* 'восхищать', *to glitter like the bright stars by night* 'сверкать, как яркие звезды ночью', *to shine like stars* 'сиять как звезды', *to be like drops of dew* 'быть как капли росы', *to be the sun and the moon* 'быть солнцем и луной', можно *to have diamonds in each of eyes* 'иметь алмазы (бриллианты) в каждом из *глаз*'. *Глаза* в немецком песенном фольклоре сравниваются с карбункулом: *sein wie Karfunkelstein* 'быть как карбункул', звездами: *sein wie Sterne* 'быть как звезды', по цвету – с ночью: *sein wie die Nacht so schwarz* 'быть темным, как ночь'.

С концептом «глаз» тесно связан концепт «бровь». В русской народной лирике *брови* только *черные*, что не соответствует антропологическому типу северного русского крестьянина или помора. Очевидно, что перед нами постоянный, «идеализирующий», эпитет, а не характеризующее определение. Атрибут *черный* нередко сопровождается прилагательным *собольный*, явно содержащим сему 'высокая ценность'. Характеристика бровей – *чёрные* – может представлять как в форме согласованного определения (признак постоянный), так и в форме предиката (признак устанавливаемый). Очевидный формульный антонимизм *лицо белое // брови чёрные*. В подавляющем большинстве случаев *брови* в пределах узкого контекста ассоциируются с другими соматизмами – *лицо, щеки, глаза, очи, уста*. В описании «пригожей» героини ассоциативный ряд обычно сокращается до пары соматизмов – *брови* и *глаза*. Брови предстают доминирующим элементом представления о типично русской красоте: *Брови-то у неё черна соболя, И очи у неё ясна сокола* (Гильф. 2, № 123, 138). Устой-

чивое эпитетосочетание *чёрные брови* предопределило наличие в песенных текстах прилагательного *чернобровый*, причём и этот эпитет встречается чаще, чем само существительное *брови* (38 против 27). Для этого эпитета гендерных ограничений нет. Чернобровым может быть не только женский, но и мужской персонаж. Чернобровы и символические замены персонажа – соловей, сухота. Ни в английской, ни в немецкой народной лирической песне брови даже не упоминаются – классический пример лингвокультурной лакуны. Примером лакуны для русской и немецкой песни может служить «веко», которое единично фиксируется в тексте английской песни – *eyelid* – и служит эквивалентом *eye*.

Одной из доминирующих лексем, репрезентирующих портретное описание человека, является *щека*. В немецком песенном фольклоре концепту «щека» соответствуют лексемы *Wange* ‘щека’, *Backe* ‘щека’ и *Rosenwangen* ‘розовые щеки’. Наиболее частотен соматизм *cheek* ‘щека’ в английском песенном фольклоре. Признаком привлекательности и здоровья у всех трёх этносов считаются щеки всевозможных оттенков красного цвета: *алый, румяный; rosenrot, rosy, rot; red rosy, cherry*. В немецком устно-народном творчестве *щеки* единично сопровождаются эпитетом *jugendfrisch* ‘молодо-свежий’. Если в английских песенных текстах речь идет о безжизненном теле, употребляются эпитеты *cold* ‘холодный’ и *cold clay* ‘холодный, как глина’. В английских песенных текстах наличествуют синтагматические связи лексемы *cheek* с существительными: *bright with cherry, cherry cheek* ‘невеста с вишневыми, вишневыми щеками’, *cherry on cheeks* ‘вишни на щеках’, *with a smile in her cheeks* ‘с улыбкой на щеках’. В песенном фольклоре всех трёх этносов соматизм «щека» сопровождается сравнительными оборотами. В русских песнях это: *будто розы розою скроплены; в саду аленький цветок; да ровно аленький цветок*. В английской народной традиции это: *<to be> like cherries* ‘<быть> как вишни’, *<to be> like roses* ‘<быть> как розы’, *<to blush> like roses* ‘<зардеться> как маков цвет’. В русских текстах *щека* управляется глаголами: *<ударить> в щеку, бить по щекам, оплести в (во всю) щеку, течь по щекам [слезы], ударить по щеке, целовать в щеки*. В немецких и английских текстах щеки – предмет любования, восторга, поклонения. Можно *prahlen mit den Wangen* ‘хвалиться щеками’, их можно *streicheln* ‘гладить’, *to view* ‘осматривать’. Прежде всего их можно целовать – *küssen, to kiss*. Щеки (*cheeks*) в английском фольклорном этническом портрете – очень важный элемент внешности.

В русских народных песнях, равно как и в былинах, лексема *подбородок* отсутствует. В немецких песнях *Kinn* ‘подбородок’ зафиксирован один раз в перечислении других соматизмов: *Nas, Kinn und Kehl* [Kl., 35] ‘Нос, подбородок и горло’. В английских песнях лексема *chin* встретила десять раз. В нескольких случаях она определяется прилагательным *rosy* ‘румяный’. Связана она с другими соматизмами: *cheeks and chin* ‘щеки и подбородок’, *with nose above chin* ‘с носом над подбородком’. Управляется существительное *chin* глаголами *to view* ‘оценивать, рассматривать’, *to kiss* ‘целовать’.

В русских текстах слово *ухо* практически отсутствует (всего один пример) В немецких и английских песнях этот концепт к числу частотных тоже едва ли

можно отнести, а в тех случаях, когда он используется, эстетических задач не решает, разве что в немецкой песне будут отмечены маленькие ушки.

Хотя нос является важной частью лица, в русском эпическом или лирическом фольклоре эта деталь практически не упоминается. В немецких песнях *Nas* 'нос' фиксируется в ряду с другими соматизмами. Это существительное отмечено в описании ситуации расправы с нечистой силой. Из шести словоупотреблений английского существительного *nose* два связаны с ситуацией кровавой драки. Остальные примеры – *to stand awry* 'быть кривым', *to follow* 'следовать', *to grow out of nose* 'расти из носа' – тоже обнаруживают отрицательную коннотацию.

Лексема *rot* в русских песенных текстах отмечена единично. Она используется в описании ситуаций, когда персонаж ест или пьёт, и на этом сосредоточено всё внимание. В немецких песнях концепт «рот» вербализуется лексемами *Mund* 'рот', *Maul* 'рот, губ.', *Schelmenmund* 'задорный рот', *Rosenmund* 'розовый рот'. Отметим, что по всем синтагматическим признакам концептуальное содержание лексемы *Mund* аналогично русской лексеме *уста*: это и рот, и губы. Чаще всего у *Mund* актуализируется значение 'губы', в связи с чем специализированная лексема *Lippe* 'губы' низкочастотна. О том, что немецкое слово *Mund* называет прежде всего губы, свидетельствует атрибутивный ряд: *bleich* 'бледные', *göttlich* 'божественные', *lieblich* 'красивые', *rosafarben* 'розовые', *rot* 'красные', *verliebt* 'влюбленные'. В английской фольклорной традиции лексема *mouth* низкочастотна. Ряд зависимого и управляющих глаголов указывает на сниженный характер оценки персонажа: *<to be> from ear to ear* '<быть> от уха до уха'; *to open* 'открывать рот', *to put in/to* 'положить в рот', *to spout into* 'литься в рот'. Какие-либо синтагматические связи существительного *mouth* с прилагательными отсутствуют.

В русском песенном фольклоре лексема *губы* относится к числу редких. В проанализированных текстах отмечено всего два словоупотребления. Немецкая лексема *Lippe* 'губа' частотностью тоже не отличается. В английских же песенных текстах *lips* 'губы' – достаточно частотна лексема: 27 словоупотреблений для соматизма в фольклорной песне – это весьма высокий показатель. Почти во всех случаях существительное *lips* определяется прилагательными, которые можно классифицировать по группам: (а) цветовая характеристика (*red ruby* 'красные рубиновые', *ruby* 'рубиновые', *lily-white* 'белые как лилия'); (б) тепловые ощущения: (*cold* 'холодные', *cold clay* 'холодные, как глина', *lily cold* 'холодные, как лилия'); (в) вкусовые ощущения: *sweet* 'сладкие'; (г) оценка: (*dear* 'дорогие'); (д) комплекс признаков: *pale cold* 'бледные холодные', *pretty ruby* 'красивые рубиновые', *sweet rosy* 'сладкие румяные'. *Lips* определяется с помощью существительных: *baby's cold lips* 'холодные губы ребенка', *lips of my own sailor* 'губы моего морячка'. В английских песенных текстах *lips* с определениями – знак жизни и смерти. В первом случае губы дорогие, ярко-рубиновые, румяные, сладкие, во втором – холодные, белые, синие. С мертвыми губами устойчиво ассоциируются лилия и глина.

Лексема *уста* выделяется расплывчатой концептуализацией, поскольку обозначает рот и губы как некоторую целостность. В русских народных песнях

она используется редко и концептуальное содержание её ближе к семантике существительного *зубы*.

Лексика, называющая зубы, в фольклорных текстах используется крайне редко. В корпусе русских песен фиксируется всего пять словоупотреблений. О зубах вспоминают, когда их уже нет. Непривлекательный портрет персонажа создаётся и с помощью однокоренного прилагательного *редкозубая*. Упоминаются зубы и в ситуации удушения старого и нелюбимого мужа. В немецком и английском песенном фольклоре лексемы *Zahn* 'зуб' и *tooth* 'зуб' тоже редки. Словарные статьи фиксируют три словоупотребления в немецких и одно в английских текстах. Однако в немецкой и английской лирике, в отличие от русской, зубы могут быть украшающим элементом портрета. При описании молодой, привлекательной девушки ее зубы сравниваются по белизне со слоновой костью: <*sein*> *Elfenbein* '«быть» слоновой костью', <*to be*> *white as ivory* '«быть» белым, как слоновою кость'.

В русских лирических песнях существительное *язык* используется единично, в частности в описании ситуации удушения нелюбимого мужа. В немецких и английских песенных текстах концепт «язык» относительно актуален, хотя вербализующие его лексемы *Zunge* и *tongue* к числу доминирующих слов соматической лексики не относятся. Лексемы эти в фольклоре многозначны. В большинстве словоупотреблений реализуется значение 'речь, способность говорить'. И в этом значении существительное сопровождается соответствующими прилагательными. В английских текстах: *deluded* 'вводящий в заблуждение', *flattering* 'льстивый', *pleasing* 'угодливый'. В немецких песнях фиксируется постоянный эпитет *falsch* 'лживый'.

Слово *шея* в русских песенных текстах низкочастотно. Элементом портрета его считать нельзя, поскольку оно является компонентом идиом *броситься на шею* и *дать по шее*. В пяти словоупотреблениях из семи *шея* определяется как *белая*. В английской песенной традиции шея – актуальный элемент портрета. У женщин она характеризуется как обнаженная, прекрасная, оттененная волосами, украшенная платком. Для английского портрета мужчины шея столь же актуальна.

В традиционной культуре этносов волосы являются необходимым элементом различных обрядов – от свадебных до похоронных, – а также составляют часть этнического портрета. Слово *волосы* в северорусских текстах встретилось всего два раза, а в южнорусских – один. Этот феномен объясняется тем, что концепт «волосы» в русской традиционной культуре вербализуется двумя другими существительными – *кудри* и *коса*. Что же касается немецкого и английского фольклора, то здесь дело обстоит иначе. Наиболее часто волосы (*hair*) упоминаются в английских народных песнях, в немецких же песенных текстах слово *Haar* (*Härl, Härlein*) встречается реже. Цветовая характеристика волос в традиционной культуре трёх этносов дифференцирована. В двух из трёх русских словоупотреблений использовано прилагательное *русый*. В немецких песнях цветовая палитра волос разнообразна, поскольку из 25 словоупотреблений в 19 лексема *Haar* характеризуется прилагательными, причем 17 из 19 – прилагательные колоративные. В английских песенных текстах *hair* определяется

прилагательными с морфемой 'чёрный': *coal-black* 'черный, как уголь', *curly-black* 'чёрный кудрявый'. Аналогичные эпитеты мы найдём и в немецких текстах – *kohlschwarz* 'черный, как уголь' и *schwarzlockig* 'черный кудрявый'. Общими для немецких и английских текстов являются эпитеты со значением 'тёмно-каштановый'. Только в немецких песенных текстах отмечены колоративные определения с морфемой 'золотистый' – *golden* 'золотой', *goldfarb kraus* 'золотистого цвета кудрявый', *goldfarbig* 'золотистого цвета'. В немецких песнях отмечены также *blond* 'белокурый', *blondgelockt* 'белокурый', *braun* 'каштановый', *gelb* 'желтый', *kirschenschwarz* 'темно-вишневый', *rot* 'рыжий'. Соотносительны немецкие и английские эпитеты, определяющие характер волос 'курчавые' – *kraus* и *curled*, 'вьющиеся' – *lockig* и *curly*.

Кудри 'вьющиеся или завитые волосы' в русских народно-песенных текстах отличаются строгой гендерной определенностью. Они наличествуют исключительно у мужчин. В Словаре Даля подмечено: «В песнях кудри вообще волосы молодецкие» [Даль: 2: 211]. В большей части словоупотреблений существительное *кудри* определяется прилагательными, среди которых выделяется постоянный эпитет *русые*. Другие определения единичны. Кудри как субъект действия служат своеобразным знаком предельной степени мужской привлекательности благодаря присущему им свойству завиваться, причём завиваться особым образом. По состоянию кудрей можно судить о здоровье и психологическом состоянии мужчины. Способность кудрей завиваться объясняется не их природным свойством, а вмешательством женщины. *Кудри* как имя объекта действия чаще всего управляются глаголами *завивать* и *чесать* (*расчесать*).

Коса – вид женской прически, наделяемый брачной символикой. Она символизирует готовность девушки к браку. В народной лирике *коса*, как и *кудри*, определяется постоянным эпитетом *русая*. Существительное *коса* фиксируется как в ситуациях обрядовых, так и в ситуациях семейно-бытовых. К разряду обрядовых следует отнести несколько формул: *растести косу*, *разложить косу надвое*, *растрепать косоньку*. Заплетание женских волос и собирание их в причёску есть знак сдерживания эротической энергии, знак воздержания, в то время как расплетание, распускание и расчёсывание символизирует высвобождение этой энергии (С.Н. Неклюдов). Уход за косой – важный момент психологической подготовки к замужеству. Отсюда устойчивая формула *плести косу*. В анализируемых нами немецких песнях лексема *Zopf* 'коса' отмечена всего один раз в ситуации «танцы». Поиск лексем *plait* и *braid*, называющих женскую косу, в собрании английской лирики С. Шарпа положительного результата не дал.

Борода в древности считалась символом силы, мудрости, волшебства, чудодейственной силы, плодородия. Однако в песенном фольклоре трех этносов борода теряет прежний мифологический, сакральный смысл и интерпретируется как предмет вполне профанный. Отметим, что *борода*, *усы*; *Bart*, *beard*, *whiskers* к числу частотных лексем не относятся, что свидетельствует о довольно скромном месте их в словесно-фольклорном портрете. Особенно не «повезло» усам. В русских текстах в пяти случаях из шести *усы* встретились в формуле, и только в связи с бородой. В немецких текстах *усы* тоже не упоми-

наются. В английской песне единично употреблено существительное *whiskers* 'бакенбарды'. Практически во всех случаях *борода* в русских текстах обнаруживает наличие отрицательной коннотации, которая особенно отчётлива в оппозиции реальный // идеальный муж: *с бородой // молодой*.

В главе 2 «Кросскультурный анализ лексики, представляющей тело человека» рассматриваются концепты «тело», «голова», «плечи», «грудь», «бок», «живот», «спина», «руки», «ноги», «сердце».

Концепт «тело» представлен в народно-песенной традиции русских, немец и англичан с различной степенью частотности. Наибольший удельный вес его – в русской песне, в полтора раза ниже он в английской лирике, а в немецкой – ниже в четыре раза. В трёх фольклорных традициях актуализируется по-разному. В русской лирике он частотен, семиотически структурирован с акцентом на гендерный аспект. Лексема *тело* характеризуется постоянным эпитетом *белое*. Эпизодически используются определения *девье* и *нежное* в описании женского тела и определения *молодецкое*, *безотецкое* или *мертвое*, когда упоминается тело мужчины. В «женской» версии *тело* обозначает объект воздействия и управляется глаголами соответствующей семантики (*плести плети на тело*, *прохлытать по телу*, *просвистеть по телу*, *хлыснуть по телу*). В «мужской» версии ряд управляющих глаголов шире. Тело можно *раскидать*, *расклевать*, *мочить* дождём, *сушить* солнцем, *терзать* зверями. К телу либо никто *не приступает*, либо к нему *прилетают* в образе птиц женщины семьи. Тело стремятся *покрыть*, *схоронить*, *зарыть*. Немецкая народно-песенная традиция к концепту «тело» обращается нечасто. Лексема *Leib* (12 c/y) определяется как *schneeweiss* 'белоснежное', *frisch* 'свежее', *jung* 'молодое'. *Leib* – непременный компонент описания идеала физической красоты. Концепт «тело» связан с понятием 'жизнь': *Leib und Leben* 'тело и жизнь', в немецкой фольклорной традиции *Leib und Seele* 'тело и душа' эпизодично упоминаются в ситуации, когда неразрывность ассоциируется с гармонией, хорошим состоянием персонажа. Атрибутивный ряд к существительному *body* 'тело' отличается от соответствующих русского и немецкого рядов: *dead* 'мертвое', *fair* 'прекрасное', *little* 'маленькое', *nailed* 'прибитое гвоздями', *poor* 'несчастное', *shrinking* 'усохшее'.

Концепт «голова» во всех трёх народно-песенных традициях актуализируется весьма активно, особенно в русской лирике. Количество и характер эпитетов и определений зависит от значения лексемы *голова*. В прямом значении атрибуция оставляет 20 %, т.е. только в каждом пятом случае существительное *голова* определяется прилагательным. Доминирует постоянный эпитет *буйная* (17 из 176 c/y). В значении 'о человеке как носителе каких-л. свойств, качеств' степень атрибуции гораздо выше – 68,6 5 %. Постоянных эпитетов в этом ряду два – *буйная* и *удалая*. Если прилагательное *буйная* используется в случаях прямого и переносного значения рассматриваемой лексемы, то *удалая* во всех наших примерах – только в случаях с переносным значением. Во всех без исключения значениях лексемы *голова* фиксируются многочисленные случаи диминутивов *головушка*, *головка* и *головонька*. Концепт «голова» в немецкой народной лирике вербализуется существительными *Kopf* 'голова' (11 c/y) и *Haupf* 'голова' (13 c/y). В анализируемых песенных текстах оба существительных прак-

тически однозначны и обозначают верхнюю часть тела человека. Ни *Kopf*, ни *Haupf* определений в форме прилагательных не имеют.

В английском корпусе песенных текстов концепт «голова» вербализуется существительным *head*, которое используется гораздо чаще, чем его немецкие эквиваленты. В отдельных случаях *head* определяется прилагательными *fine* 'прекрасная', *poor* 'бедная', *youthful* 'молодая', *weary* 'уставшая'.

В картине мира плечо обнаруживает вариантность концептуализации. В русской народной лирике *плечо* относится к числу среднечастотных лексем. Плечо может предстать как одна из эротических зон. *У девушки плечо разгорелось горячо* (Соб-2, № 82). Это телесный аналог *жара*, который обычно проступает в лице героини песни. Какие-либо определения к существительному *плечо* в лирике отсутствуют. Субъективная оценка передаётся диминутивами *плечики*, *плечишки* и *плечушки*. В немецком песенном фольклоре лексемы *Achsel* 'плечо, подмышка', *Schulter* 'плечо' являются своеобразным знаком предела. В английской лирике «плечо» встречается чаще, чем в немецких, но реже, чем в русских текстах. *Shoulder* 'плечо' используется в пяти конструкциях с глаголами: *to look over left shoulder*; *to hang over| down shoulder (hair)*; *to cut head off shoulders*; *to throw round shoulder (blanket)*; *to beat over shoulder*. Как и *back* 'спина', *shoulder* связано с идеей переноса чего-либо. В целом плечи, как и спину, в русской традиции можно охарактеризовать как 'страдающие', в немецкой – как 'измеряющие' и в английской – как 'работающие'.

Концепт «грудь» актуализирован во всех трёх фольклорных традициях. Как субъект действия *грудь* связана с глаголами *болеть*, *вздыхаться*, *нагрустеть*, *целить*, общая сема которых 'страдание', что даёт основание говорить о наличии в народно-поэтической лексеме *грудь* оттенка значения 'символ средоточия чувств, переживаниями человека'. По народным представлениям, в груди локализуется душа, а потому в лирических песнях грудь представляется вместилищем эмоций и нравственных качеств человека. Грудь – место локализации сердца – органа чувств. Чтобы доказать свою искренность, героиня просит *пороть*, *распороть* свою грудь. По этой причине *грудь* в русской песне устойчиво ассоциируется с *сердцем*, что проявляется как в именных словосочетаниях типа *сердце с грудью* или *грудь сердце*, так и в ассоциативных рядах типа *грудь ... сердце*. Немецкая лексема *Brust* используется в двух значениях – 'грудь' и 'душа'. *Brust* имеет варианты – диминутивы – *Brüstelein* 'грудка' и *Brüstlein* 'грудка'. Если в русских песнях грудь может быть только белой, то в немецких атрибутивный ряд шире: *frisch* 'свежая', *rund* 'круглая', *schneeweiss* 'белоснежная', *schön* 'прекрасная', *weiss* 'белая'. Заметим, что этот ряд характеризует прежде всего женскую грудь. В русских и английских песнях такой гендерной выделенности мы не находим. Из трёх фольклорных традиций английская актуализирует концепт «грудь» чаще других. Концепт вербализуется тремя именами – *breast*, *bosom* и *breast-bone*. Существительное *breastbone* (*breast-bone*, *breast bone*) 'грудь, грудная кость' восемь раз встретилось исключительно в ситуации «Мария грудью кормит младенца Иисуса». Хотя толковые словари английского языка разводят *breast* и *bosom* с одним и тем же денотатом по стилистическому признаку – *breast*, например, нейтральное, а *bosom* стилистически

выделенное, – в фольклорных текстах они выступают как полные синонимы, используемые в одном микроконтексте.

В корпусе русских песенных текстов зафиксировано одиннадцать словоупотреблений лексемы *бок*. Как соматизм ('правая или левая часть туловища, тела') это слово употреблено всего четыре раза. В остальных случаях *бок* является компонентом фразеологизма или самостоятельным словом – наречием: *Лежать на боку* 'Прост. Ничего не делать, лентяйничать', *По бокам* кого-, чего-л. 'По обе стороны', *Боком* к кому-, чему-л. 'Вполоборота к кому-, чему-л.'. В немецких песнях наличие концепта «бок» не зафиксировано. В английских он вербализован существительным *side* 'бок'. Во всех случаях существительное *side* сочетается с глаголами <*to be*> *by* '<быть> на', *to hang by* 'висеть на', *to let go bare* 'разрешить идти пустым', *to close by side* 'прижаться'.

«Живот» относится к числу тех концептов, которые в одной из фольклорных традиций не вербализуются, а в других актуализируются весьма редко. В анализируемом корпусе русских народных песен существительное *живот* в значении 'часть тела у человека и животных' зафиксировано в 13 словоупотреблениях. В немецких песнях концепт «живот» не упоминается вовсе. В двух томах английских песен выявлено всего четыре словоупотребления существительного *belly* 'живот'. Лакунарность концепта, с одной стороны, и малочисленность, с другой, могут быть объяснены тем, что живот в трёх сопоставляемых фольклорных традициях символизации не подвергался, хотя в русской лирике, где частотность немного выше, намёк на движение в сторону символики заметить можно. В большинстве случаев в русских текстах *живот* сопрягается с существительными *сердце*: *Сокрушила молодца, Живот-сердце до конца* (Соб-3, № 468). В английских песенных текстах соответствующее существительное *belly* использовано четырежды, и во всех случаях речь идёт о чревоугодии или беременности.

Спина – одно из самых уязвимых мест человеческого организма, «болевая точка», а потому в языковой картине мира спина ассоциируется с чрезмерным трудом или же наказанием. Половина всех словоупотреблений существительного *спина* использована в диминутивной форме *спинушка* с «суффиксом сочувствия» (А. Вежицкая). Глагольный ряд свидетельствует, что спина в русской народной песне – объект наказания и боли. Отрицательная коннотация ощутима и во фразеологизме *гнуть спину* 'кланяться'. В немецких песнях отмечено всего три словоупотребления существительного *Buckel* 'горб; спина'. Спина выступает как знак тяжкого труда, о чем свидетельствуют глаголы *schwitzen* 'потеть', *tragen auf* 'посить на'. В английских текстах *back* 'спина' встречается гораздо чаще, чем в немецких, и примерно так же, как и в русских песнях, однако ситуации, в которых упоминается спина, отличны от ситуаций в русских текстах. Спина в английской фольклорной традиции видится с покложей, а потому на неё *кладут*, на ней *несут*, с неё *снимают*. Таким образом, у русских спина ассоциируется с наказанием, у немцев – с тяжёлым трудом, у англичан – с покложей.

Концепт «рука» – самый востребованный во всех трёх фольклорных традициях. В русском, немецком и английском языках концепт вербализуется по-

разному. То, что в русском языке считается оттенком значения и не имеет специального звукового оформления, в немецком и английском языке концептуализируется отдельно от *Arm* и *arm* и вербализуется специальными словами *Hand* и *hand*. Контексты дают основание считать, что русское фольклорное слово *рука* в большинстве случаев в своём значении ближе к немецкому и английскому слову *Hand* и *hand*. В 74 с/у из 80 использованы диминутивные формы *ручка*, *рученька* и *ручушка*. В английских текстах диминутивов нет, в немецких наличествуют редкие лексемы *Händlein* 'ручка' и *Armlein* 'ручка'. Сравним атрибутивные ряды к лексемам, называющим руку или часть её. *Рука* – белая, левая, нежная, правая, холодная; *Arm* – blank 'блестящая; чистая (до блеска)', schmal 'тонкая', schneeweiss 'белоснежная'; *Hand* – gross 'большая', leicht 'легкая', lieb 'любимая', recht 'правая', schmal 'тонкая', schneeweiss 'белоснежная', sicher 'уверенная', stark 'сильная', weiss 'белая', weiss kalt 'белая холодная', voll 'щедрая', zitternd 'дрожашая'; *Arm* – open 'открытая', right 'правая'; *Hand* – bloody 'окровавленная', holy 'святая', lily-white 'лилейно-белая', milk-white 'молочно-белая', pretty little 'хорошенькая маленькая', right 'правая', upper 'верхняя (высшая)', white 'белая', writing 'пишущая'. Как видим, совпадает характеристика руки как белой. Однако есть различия и в этой характеристике. Для русских белая рука – это не столько цвет, сколько оценка. Для немцев и англичан цветовая доминанта поддерживается наличием специфичных сложных прилагательных с внутренним сравнением типа *schneeweiss* 'белоснежный' или *lily-white* 'лилейно-белый' и *milk-white* 'молочно-белый'. Общим является также наличие «ориентирующих» характеристик – правая или левая рука. В целом вербальных определений руки в немецкой и английской лирике шире и разнообразнее. *Рука* как имя субъекта действия в русских текстах связано скорее не с действием, а состоянием. Обычно состояние – быть белыми – изменяется: *руки болят, грязнятся, мараются, опускаются, остаются без перстня*, и только в редких случаях от радости они могут *защелкать*. Руки мараются не от грязной работы, а от отрицательных эмоций.

Концепт «нога» в фольклорной картине мира занимает заметное место, что обусловлено рядом функций данной части тела. В русском песенном фольклоре концепт «нога» вербализуется лексемами *нога* (63), *колени* (19); в немецкой народной традиции – *Fuss* 'нога (ступня)' (21), *Bein* 'нога' (8), *Knie* 'колени' (3), *Kindesbeine* 'детские ноги (детство)' (1); в английском народном творчестве – лексемами *knee* 'колени' (58), *foot* 'нога (ступня)' (45), *leg* 'нога' (16), *heel* 'пятка' (5), *toe* 4 'палец на ноге', *lap* 'колени (когда человек сидит)' (2), *shin* 'голень' (2). Фиксируемые в немецком и английском песенном фольклоре лексемы *Bein* и *leg* 'нога' по семантике и функции употребляются в значении 'опора', тогда как *Fuss* и *foot* 'нога (ступня)' в народных представлениях преимущественно ассоциируются с передвижением. В русских лирических песнях существительное *нога*, судя по синтагматическим связям, по семантике ближе к лексемам *foot* и *Fuss*. Атрибутивный ряд к соматизму включает несколько определений, среди которых доминирует постоянный эпитет *резвые*. Органично наличие «ориентирующего» определения *правый*. В немецких и английских песнях ноги характеризуются так: *Bein* – link 'левая'; *Fuss* – zart

‘нежная’; *Leg – active* ‘активная’, *bandy* ‘кривая’, *own* ‘собственная’; *Foot – lily-white* ‘лилейно-белая’, *pretty little* ‘хорошенькая маленькая’, *tender* ‘нежная’.

Тема «сердца» выступает как неотъемлемая часть общечеловеческой культуры. О важности данного концепта для русского национального менталитета свидетельствует высокая употребительность лексемы *сердце* (143). Она входит в число ста наиболее частотных слов различных сводов народных лирических пссн. В немецких и английских песенных текстах лексемы *Herz* (201) и *heart* (251) ‘сердце’ являются тоже самыми частотными. В русском и немецком песенном творчестве в ряде случаев употреблялись диминутивные варианты: *сердечко, сердечушко, сердеченько, сердечико, Herzchen* ‘сердечко’, *Herzelein* ‘сердечко’. Постоянным песенным эпитетом к существительному *сердце* является прилагательное *петливое* – ‘пылкое, горячее’. *Сердце* – ключевое слово в словосочетаниях, выражающих “человеческие сущностные силы”, нравственные качества – *варварское, злое, tapfer* ‘смелое’, *valiant* ‘храброе’, *bang* ‘робкое’, *froh* ‘веселое’, *fröhlich* ‘радостное’, *treu* ‘верное’, *false* ‘лживое’, *very (very)* ‘настоящее’. В Англии у отважных людей *hearts of oak* ‘сердца из дуба’. Чаще всего сердце выступает выразителем различных эмоций, причём отрицательные явно преобладают. Самый частотный глагол – *надорваться*, выражает крайнюю степень проявления горестных чувств. Другие субъектные глаголы: *заныбливаться, занывать, изныть, ныть, тужить, унывать, позябнуть, поизныть, растосковаться, сокрушаться, страдать, щемить, empfinden* ‘чувствовать’, *sich kränken* ‘обижаться’, *in Kummer liegen* ‘печалиться’, *spüren* ‘чувствовать’, *to be in lesson of sorrow and woe* ‘испытывать горе и скорбь’ – дают яркое представление о песенной функции анализируемого соматизма – синекдохи. В фольклорной традиции трех этносов “сердце” используется часто в эмоционально-оценочном значении при обращении или приложении для названия дорогого, любимого человека. Огромное количество образов, знаков, языковых штампов и общезыковых фразеологизмов с лексемой сердце составляют весьма значительный пласт нашего интеллектуального обихода. Для русских лирических песен характерно включение существительного в состав поэтических приемов обращения, сравнения, параллелизма. В немецких и английских песенных текстах были выявлены фразеологические сочетания с лексемами, вербализующими анализируемый концепт. В фольклорной лирике *сердце* редко употребляется в чисто соматическом значении ‘центральный орган кровообращения’, гораздо чаще является своеобразной эмблемой любви, испытывает положительные (радость, веселье, ликование) и отрицательные (печаль, страдание, тоска) эмоции. В русской народно-песенной традиции негативные переживания доминируют, тогда как в немецкой и английской лирике персонажи подвержены разнообразным эмоциям в равной степени.

В заключении отражены основные результаты исследования.

Концептосфера «человек телесный» в русских, немецких и английских народно-песенных текстах в форме кластера вербализующей её соматической лексики во всех трёх этнических традициях в фольклорной картине мира занимает заметное место.

Несмотря на типологическое тождество человеческого тела, фольклорные традиции трёх индоевропейских этносов обнаруживают не только сходство в семантической структуре и функционировании отдельных соматизмов, но и заметную асимметрию различного уровня.

Асимметрия концептуальная (языковая). Так, концепт «голова» в русском и английском языках вербализуется одним соматизмом *голова* и *head*, а в немецком – двумя: *Kopf* и *Haupt*. Русскому соматизму *рука* соответствуют *Hand* и *Arm* в немецком и *hand* и *arm* в английском языках, соматизму *нога* – *Bein* и *Fuss*, *leg* и *foot* в немецком и английском языках соответственно.

Асимметрия репертуарная (наличие–отсутствие единицы). Имеются в виду случаи лакунарности, отсутствия в сопоставляемых корпусах текстов вербализации того или иного концепта. В русских песенных текстах нет соответствий немецкому *Glied* ‘конечность, сустав’, английским *joint* ‘сустав’ и *limb* ‘конечность’, не упоминается подбородок. Исключительно в русских песнях есть *брови*, *мизинец*, *ладоши* и *поясница*, *кудри* и *коса*, в английских – *heel* ‘пятка’, *toe* ‘палец на ноге’, *shin* ‘голень’, *thumb* ‘большой палец руки’, *forefinger* ‘указательный палец’, *wrist* ‘запястье’, *waist* ‘талиа’.

Асимметрия количественная, когда соматизмы, в трёх традициях вербализующие один и тот же концепт, существенно различаются в количественном отношении. Так, в русских текстах гораздо чаще, чем в английских, используется существительное *живот*, которое в немецких песнях не фиксируется вовсе. Очевидна закономерность: чем выше частотность соматизмов, в разных традициях вербализующих один и тот же концепт, тем меньше у них этнокультурных различий. Примером могут служить соматизмы, называющие руки, ноги и сердце. Низкая частотность тех или иных соматизмов в каждой из рассматриваемых фольклорных традиций почти всегда предопределяет их отрицательную коннотацию (например, *щека* у русских, *нос*, *борода*, *усы* – во всех трёх традициях) и т.д. Фольклорные традиции различаются наличием т.н. этнических доминант, когда на фоне лакун или низкой частотности в одной из культур концепт актуализирован, в результате чего в этническом портрете выступают «точки красоты» – брови и очи у русских, волосы на голове у немцев, щеки и губы у англичан.

Асимметрия культурная (наличие или отсутствие тех или иных культурных смыслов, аккумулированных в соматизмах) проявляется в таких признаках, как семиотизация, гендерная оппозиция, изменение характера атрибуции, формирование парности и т.д. Русская фольклорная традиция обнаруживает тенденцию к семиотизации, которая не просматривается на аналогичном материале немецких и английских песен. Суть фольклорной семиотизации видится в преодолении многообразия и сведения его к бинарной оппозиции. Отсюда изменение характера атрибуции – сведение атрибутивного ряда к постоянному эпитету. Семиотизм русских соматизмов проявляется в форме гендерных оппозиций: в русской народной лирике гендерное противопоставление обусловило частотное использование лексем *кудри* и *коса*, чего нет в немецком и английском фольклоре. На фоне биологической бинарности, свойственной

ряду частей человеческого тела (два глаза, два уха, две щеки, две руки, две ноги и т.д.), проступает парность соматизмов, определяемая этнической культурой (*руки/ноги, лицо/сердце, брови/очи* и др. у русских, *cheeks/lips* у англичан).

Интерес курских исследователей к семантике народно-поэтического слова, разработка основ фольклорной лексикологии и лексикографии, реализация проекта словаря языка русского фольклора, сопоставительный анализ языка фольклора разных народов обнаружили огромный лингвокультурологический потенциал лингвофольклористики. Оказывается, что в рамках лингвофольклористических исследований возможны оригинальные подходы к решению таких фундаментальных вопросов, как этническая ментальность и культурная архетипика. Выяснилось, что лингвофольклористика в состоянии предложить систему эффективных лингвокультуроведческих методик, пригодных не только для продуктивного анализа фольклорных текстов, но и для исследования нефольклорного дискурса. Становится очевидной сверхзадача лингвофольклористики – выяснение через язык фольклора сущности этнической культуры.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. *Завалишина, К.Г.* Волосы, коса и локон в устно-поэтической речи немецкого, английского и русского этносов / К.Г. Завалишина // Единство системного и функционального анализа языковых единиц. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2001. – Вып. 5. – С. 330–334.
2. *Завалишина, К.Г.* Реализация концепта «глаза» в немецких народных песнях (на фоне русской и английской народной традиции) / К.Г. Завалишина // Проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации: Материалы международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2001. – С. 82–85.
3. *Завалишина, К.Г.* Концепт «глаза» в народно-песенной традиции русского, немецкого и английского этносов в лингвокультурологическом аспекте / К.Г. Завалишина // Лингвофольклористика. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2003. – Вып. 7. – С. 74–88.
4. *Завалишина, К.Г.* Сопоставительный анализ лексем, номинирующих концепт «волосы» в русском, немецком и английском песенном фольклоре / К.Г. Завалишина // Кубанские беседы. Лето 2003. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2003. – С. 38–52.
5. *Завалишина, К.Г.* Волосы как элемент портрета в русском, немецком и английском песенном фольклоре / К.Г. Завалишина // Картина мира и особенности её репрезентации: научные доклады конференции «Национальные картины мира: язык, литература, культура, образование» (21–24 апреля 2003 г., Курск). – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2003. – С. 149–153.
6. *Завалишина, К.Г.* Концепт «лицо» в устно-поэтическом творчестве русского, немецкого и английского этносов / К.Г. Завалишина // INCIPiO = НАЧИ-НАЮ. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2003. – Вып. 1. – С. 54–62.
7. *Завалишина, К.Г.* Реализация концептов «рот», «губы», «язык», «зубы» в русском, немецком и английском песенном фольклоре / К.Г. Завалишина //

Сопоставительная лингвофольклористика. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2003. – Вып. 1. – С. 25–39.

8. *Завалишина, К.Г.* Сопоставительная и кросскультурная лингвофольклористика / А.Т. Хроленко, М.А. Бобунова, К.Г. Завалишина // Вестник Воронежского университета. – 2004. – № 2. – С. 47-52.
9. *Завалишина, К.Г.* Лексика, обозначающая лицо в фольклоре трех этносов / А.Т. Хроленко, К.Г. Завалишина // Сопоставительная и кросскультурная лингвофольклористика. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2005. – С. 55–64.
10. *Завалишина, К.Г.* Некоторые части лица в кросскультурном аспекте / К.Г. Завалишина // Актуальные проблемы современного иноязычного образования: Матер. междунар. конф. (Курск, 26-29 апреля 2005г.) – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2005. – С. 23-26.

Лицензия на издательскую деятельность

ИД № 06248 от 12.11.2001 г.

Подписано в печать 6.09.2005

Формат 60x84/16

Усл. печ. л. 1,3

Тираж 100 экз. Заказ _____

Издательство Курского государственного университета
305000 г. Курск, ул. Радищева, 33

Отпечатано в лаборатории информационно-методического обеспечения